

Е. М. Козаков

СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ВЛАСТИ И БИЗНЕСА КАК БАЗОВОЕ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ¹

В статье показано, что социальная ответственность в региональных исследованиях в качестве базового научно-практического положения имеет междисциплинарный характер и является ключевым в разделе экономической теории, именуемом «поведенческая экономика». В стратегическом аспекте социально ответственное поведение должно в конечном счете стать повседневной нормой на всех уровнях административного и корпоративного управления, во всех сферах жизнедеятельности людей. Тактической задачей региональной и муниципальной власти является разработка и реализация научно обоснованной социально ответственной политики. Уровень социальной ответственности не может быть измерен единым универсальным (интегральным) показателем. Сформулированный в XIX веке тезис о том, что «в экономической науке столько науки, сколько в ней математики» в начале XXI века следует перефразировать: «В экономической науке столько науки, сколько в ней человечности».

Ключевые слова: социальная ответственность, региональные исследования, поведенческая экономика, социально-экономическая политика

В последние десятилетия минувшего века в экономической науке наряду с традиционными исследованиями, посвященными проблемам повышения экономической эффективности хозяйственной деятельности на предприятиях и в отраслях (чаще в отраслевых кластерах) — в региональном, страновом и мировом масштабе, все более широкое распространение получают исследования социально-экономической направленности [2, 22]. Это выразилось в научном обосновании таких понятий, как социοэкономика, интегративная экономика, экономика социального гуманизма, социальный кластеризм и др. Достаточно широкое распространение получили работы по корпоративной социальной ответственности, или (что то же) по социальной ответственности бизнеса. По нашему мнению, социальная ответственность в качестве базового научно-практического положения приме-

нительно к региональным исследованиям нуждается в существенно более широкой трактовке, речь должна идти о том, что социально ответственное поведение в идеале должно стать нормой для всех лиц, принимающих решения, независимо от места, занимаемого в общественной иерархии — от руководства страны и региона до главы семьи [5, 20]. Если попытаться вычлени в экономической науке предметную область рассматриваемой междисциплинарной проблемы, то, на наш взгляд, необходимо сосредоточиться на следующем: определиться в том, к какому направлению экономической теории можно отнести понятие «социальная ответственность» в содержательном плане и какое значение оно имеет при определении и реализации социально-экономической политики на всех уровнях управления; что конкретно подразумевается под социально ответственным поведением; каковы роль и место науки, образования и средств массовой информации в формировании и уточнении понятия «социальная ответственность» в современном обществе.

¹ Публикация выполнена при поддержке гранта РГНФ №10-02-00294а «Оценка влияния малого предпринимательства на социально-экономическое развитие узкоспециализированных территорий в условиях кризиса»

Полагаем, что экономическая категория «социальная ответственность» должна стать стержневой в получившей в последние десятилетия развитие области социально-экономического знания, именуемой поведенческой экономикой. Подчеркнем, что при очевидной правомерности постановки вопроса о социальной ответственности власти и бизнеса (или других субъектов экономической деятельности), решения принимают конкретные лица, которые должны осознать, что помимо уголовной, административной или, скажем, материальной ответственности в более широком понимании существует гражданская социальная ответственность. В этой связи обратимся к трактовке понятия «гражданская ответственность», данной Ф. Брокгаузом и И. Ефроном еще в 1907 году: Это — (в соответствии с современной орфографией и стилистикой), «ответственность за вред и убытки, нанесенные должностными лицами (служащими в правительственных, общественных и сословных учреждениях); возмещение вреда и убытков отыскивается перед судом» [3, с. 422]. Сегодня подобная трактовка (при ее безусловной содержательности) является крайне ограниченной, однако в современной науке еще не сложился единый целостный раздел, посвященный междисциплинарному исследованию различных аспектов социальной ответственности как в общегосударственном, так и в региональном масштабе. В экономических исследованиях нередко социальная ответственность отождествляется с социальной справедливостью. При этом упускается из виду, что «расслоение любого общества является естественным процессом, соответствующим природе человека. Масштабное социальное расслоение в разных обществах, которые нам предъявляет история, называется по-разному. Сложилась разные термины: «сословие», «класс», «каста» и пр.» [11, с. 138]. Поэтому возникает сомнение в правоте авторов, утверждающих, что «...свободный рынок и распределительная справедливость на данном этапе развития общества и государства вполне уживаются вместе и при этом влияют друг на друга... Европейское сообщество... в определенных случаях ставит на первое место не рыночные механизмы, а как раз социальную справедливость» [4, с. 37]. Полагаем, что если бы подобное «распределение мест» было реальностью, можно было бы с полным основанием утверждать: в странах ЕС проблемы социальной

ответственности власти больше не существует. На самом деле во всем мире эта проблема приобретает все большую остроту, особенно в условиях экономического кризиса, когда социальная ответственность политической и экономической элит многократно возрастает.

В отношении отечественной политической элиты в экономической и социологической научной литературе преобладают негативные оценки процессов концентрации ее (элиты) в Центре. Встречаются предложения о необходимости административными мерами ограничить возможности «перебазирования» наиболее инициативных представителей управленческого и делового корпуса в Москву и/или в столицы субъектов Федерации. Полагаем, что подобные предложения в демократическом обществе лишены смысла, элиты путем «естественного отбора» формируются как в Центре, так и на местах, и задача заключается не в директивном ограничении оттока управленцев (менеджеров), а в повышении их профессионализма и культуры (включая, разумеется, осознание социальной ответственности). Считаем исключительно важным тезис о том, что «...политическая система и экономические успехи взаимосвязаны. И политическая система — это не только персоналии или таланты, проявляющиеся в публичной риторике, но и составная часть общегосударственной системы управления. И если, например, в кадровом рекрутинге все больше и больше преобладает принцип доверительности в команде, то, к сожалению, пропорционально страдает принцип профессиональности — включается процесс деградации качества управления» [6, с. 60].

Что касается доходов экономической элиты («олигархата»), то у исследователей-экономистов наиболее популярны сопоставления доходов у наиболее и наименее обеспеченных слоев общества по коэффициенту Джини и указания на то, что если в развитых странах этот коэффициент равен 5–7, то у нас он зашкаливает за 20, а в некоторых регионах — и за 30. Между тем наши люди в своей массе озабочены вовсе не величиной указанного коэффициента, а уровнем и качеством собственной жизни, обеспеченностью своей семьи и близких. С нашей точки зрения, в современной России существенным фактором общественной дестабилизации является не величина, а «бескультурье» богатства, наглая демонстрация нашей новоиспеченной буржуазией роскоши, сказочных яхт, дворцов на Лазурном

берегу и т. п. При этом «этика успеха предписывает добиваться поставленной цели всеми доступными средствами по принципу „что не запрещено, то разрешено“. На этой основе легко развиваются социал-дарвинистские комплексы культа силы и презрения к слабым, неудачливым, аутсайдерам, проигравшим соревнование» [7, с. 16]. Уместно вспомнить, что этой проблемой был озабочен еще на рубеже XIX и XX вв. выдающийся экономист и социолог Торстейн Веблен, который в своих классических работах «Теория праздного класса» (1899), «Крупные предприниматели и простой человек» (1919), не выступая против частной собственности на средства производства, убедительно показал, насколько социально безответственным может быть поведение экономической элиты. В начале XXI в. отсутствующей, неосязаемой) собственности бизнесменов, обладающих богатством (акциями, облигациями, деривативами и пр.), не связанным непосредственно с научно-техническим прогрессом, с приращением научного знания, с развитием производства. Мы разделяем точку зрения тех специалистов, которые считают, что именно использование данного вида собственности для получения баснословной спекулятивной прибыли при неумемной алчности современного «праздного класса» является основной причиной нынешнего экономического кризиса [16].

Весьма дискуссионным является вопрос о возможности количественного измерения интегральными показателями уровня социальной ответственности. Особенно усердствуют в этом отношении соискатели ученых степеней, предлагая соответствующие математические формулы. Известен тезис экономистов-математиков о том, что в экономике в принципе все измеряемо. Возможно, теоретически это и верно, но на практике, особенно в рамках социально-экономического подхода, все значительно сложнее. Поддаются обсчету финансовые, материально-вещественные и другие прямые и косвенные издержки. Можно измерить и суммировать время, затраченное на решение той или иной задачи. Однако неизмеримо сложнее «интегральное» оценивание социально-экономических результатов, особенно социальной составляющей, которая напрямую связана с социальной ответственностью. Здесь наряду с общепризнанными количественными показателями, характеризующими уровень и качество жизни, крайне важны социологические обследования, характеризую-

щие степень материальной и духовной удовлетворенности жизнью (так называемая экономика счастья), социальное самочувствие граждан, уверенность в завтрашнем дне и т. п.

Рассмотрение социальной ответственности в качестве базового положения экономической теории в региональных исследованиях обуславливает необходимость научного анализа процессов формирования адекватной политики развития региональных и муниципальных социально-экономических систем. Чаще всего экономическая и социальная политика рассматриваются отдельно. В научных дисциплинах сложилось условное «разделение труда»: для экономистов главное — экономический рост, для социологов — социум, условия жизни, социальное самочувствие населения. Между тем еще в конце прошлого века в Организации Объединенных Наций был сформулирован постулат о том, что «человек не средство, а цель экономического роста». В этой связи с целью выработки единой социально-экономической политики можно только приветствовать попытку «соединения методов и знаний фундаментальных наук (философии, истории, права, физики и математики), прикладных (экономики, политологии, социологии, психологии, демографии, экологии, менеджмента), отраслевых наук (по видам экономической деятельности и иным сегментам экономики) и специально разработанные методы проектирования государственно-управленческих практик» [6, с. 56]. Понятно, что мы находимся на начальном этапе интегративного подхода к использованию методов и знаний указанных наук при формировании социально-экономической политики. При этом в угоду моде в специальной литературе в соответствии с политической риторикой последнего времени широко используется термин «модернизация политики». По нашему мнению, понятие «модернизация» связано преимущественно с материально-технической базой, с техникой, оборудованием и т. п. Понятия же «развитие», «корректировка» экономической политики в направлении повышения значения социальной компоненты более определенно отражают существо дела и лишены «модности». В соответствии с темой данной статьи ограничимся фрагментарным изложением авторского видения следующих аспектов разработки социально ответственной политики: роль государства; форм и методов участия экспертного сообщества; выбор типа национальной экономики;

изучение возможностей адаптации зарубежного опыта.

Обычно когда речь идет о роли государства в формировании и реализации социально-экономической политики, внимание исследователей концентрируется на действиях федеральной власти. Полагаем, что подобный подход нивелирует социальную ответственность региональных и муниципальных властных структур, от которых удовлетворение повседневных потребностей населения зависит в первую очередь. Естественным предметом исследования экономистов являются доходы различных групп населения, причем наиболее распространенным объектом критики в этой сфере является так называемая плоская шкала подоходного налога. «Плоская шкала налогообложения в целом характеризует политику ее правящей элиты, одновременно сохраняя стагнирующую бедность в стране» [4, с. 37]. Думается, что при очевидном несовершенстве налогового законодательства подобные оценки больше подходят для политической оппозиции, чем для объективного научного анализа, поскольку неоспоримым фактом является то, что плоская шкала в истекшем десятилетии обеспечила существенный рост собираемости налогов. Необходимо признать, что не лишен оснований аргумент сторонников плоской шкалы, заключающийся в том, что в условиях нашего крайне сырого законодательства и коррумпированности надзорных органов переход на прогрессивную шкалу приведет к самым изощренным формам сокрытия доходов. Вместе с тем хорошо обоснованная дифференциация налога на сверхприбыль, особенно на имущество, представляется абсолютно необходимой и своевременной, поскольку скрыть имущество, особенно недвижимость, значительно сложнее.

В качестве одного из приоритетов государственной политики провозглашена «борьба» с бедностью. Мы взяли слово борьба в кавычки, поскольку, на наш взгляд, с бедностью нужно «не бороться и побеждать», а сознавая социальную ответственность региональной и муниципальной власти, планомерно решать эту проблему. Многие авторы, указывая на поляризацию социально-экономического развития отдельных регионов страны, усматривают в этом одну из основных причин повышенной бедности в регионах-аутсайдерах. При этом в межрегиональных оценках обычно сопоставляют в расчете на душу населения величину ВВП, инвестиций

в производственную сферу и других подобных показателей, не отражающих непосредственно уровень и качество жизни, а тем более бедность определенной части населения. Между тем «анализ социальных расходов бюджета Российской Федерации на 2011 г. выявил сохранение преобладания категориальных выплат населению над адресными, что приводит к низкой результативности борьбы с бедностью. Социальные трансферты часто получают не самые нуждающиеся группы населения, при этом часть малоимущих семей лишены доступа к государственной поддержке» [24, с. 38]. Иными словами, налицо безадресность данного вида социальных расходов независимо от места проживания. Подчеркнем, что указанный недостаток федерального бюджета имеет место практически во всех без исключения региональных бюджетах. В научной литературе иногда противопоставляются поддержка отдельных индивидов (пенсионеров, инвалидов, безработных и т. д.) и поддержка малоимущих семей. По нашему мнению, подобные противопоставления неправомерны: безусловная адресность как в отношении семей, так и отдельно реально нуждающихся лиц должна стать незыблемым принципом преодоления бедности в нашей стране.

При всей относительности отнесения граждан к категории нуждающихся нельзя не отметить, что оцениванием результативности бюджетных социальных расходов занимаются во всех развитых странах. Так, по данным, представленным в работе [10, с. 39], в Европейском союзе до получения социальной поддержки со стороны государства доля бедных составляла 25% всего населения стран ЕС, а с учетом социальных трансфертов — 15%. В таком социальном государстве, как Швеция эти показатели составляют соответственно 29 и 12%, в Финляндии — 28 и 13%. Как видим, в этих странах благодаря адресной поддержке доля нуждающихся сокращается более чем вдвое. К сожалению, у нас нет подобной официальной статистики. Согласно авторским экспертным оценкам, результативность социальных трансфертов в России значительно ниже и колеблется в пределах 3–7%.

То, что оплата труда является одной из важнейших составляющих государственной социально-экономической политики, общеизвестно. Никто не оспаривает того факта, что труд научных работников, врачей, учителей, наемного персонала большинства промышленных пред-

приятий в современной России недооценивается. Низкий уровень заработной платы работодатели и власти обычно пытаются оправдать сравнительно низкой производительностью труда. Хотя закон опережающего роста производительности труда усвоен нами в Советском Союзе едва ли не с молоком матери, отечественными учеными-экономистами убедительно обосновано положение о том, что в период радикальных экономических реформ, когда экономика находится в неравновесном состоянии, к этому закону не следует относиться догматически: в краткосрочном плане основной задачей является недопущение катастрофических инфляционных последствий, в то время как повышение производительности труда не может быть достигнуто одновременно. Это во-первых, и, во-вторых, оплата труда в бюджетной сфере у нас фактически дифференцирована: труд чиновничества на всех уровнях управления и депутатского корпуса (являющегося по существу привилегированной категорией бюджетников) оплачивается вполне достойно.

«Экономика может демонстрировать высокий темп роста национального дохода и такую же высокую его величину на душу населения, но за счет того, что этот доход распределяется крайне неравномерно, располагать худшей системой социального обеспечения, здравоохранения, пенсионной системой, системой образования и, как следствие, иметь более низкие индикаторы, определяющие продолжительность жизни, уровень образования и медицинского обеспечения» [19, с. 2]. В экономической литературе наибольшее внимание уделяется критике сложившейся в России за истекшее двадцатилетие системе образования и здравоохранения. Хотя критика во многом справедлива, нельзя не видеть позитивных мер, предпринимаемых в последние годы властями как на федеральном, так и региональном уровне. Это — и льготная ипотека, и социальное жилье молодым и многодетным семьям, и возможности наращивания пенсий работающих пенсионеров при сохранении пенсионного возраста, и «материнский капитал», и компьютеризация школ и многое другое. Вместе с тем социально ответственный подход власти и бизнеса требует (учитывая наличие у государства и успешных корпораций значительных финансовых ресурсов) решения ряда неотложных социальных проблем. В ряду приоритетов необходимо выделить проблему воспитания здо-

рового как физически, так и нравственно поколения россиян, родившихся в новой России. В этом отношении вызывает недоумение (чтобы не сказать больше) неспособность власти решить проблему дошкольных учреждений. Ведь абсолютно очевидно, что можно обеспечить всех нуждающихся в детских садах и яслях не за пять-семь и даже десять лет, как об этом говорят с властных трибун, а за 2-3 года. Известны данные о динамике заболеваемости детей за годы реформ: от пятипроцентного увеличения числа детей, больных сахарным диабетом, до десятипроцентного роста детской заболеваемости сердечно-сосудистой системы. Но если с целью сокращения детской заболеваемости по программе «Здоровье» что-то предпринимается, то в отношении нравственного воспитания подрастающего поколения (которое должно начинаться со школы и даже с детского сада), осмысленной государственной политики просто не существует. Речь идет не о ЕГЭ или об образовательных стандартах, содержание которых широко обсуждается, а о нравственно-этических ценностях, которые в общественном сознании практически девальвированы. Социологи правильно говорят о необходимости смены парадигмы воспитания: деньги, обогащение и т. п. должно уступить место другим общечеловеческим ценностям (провозглашенным, к примеру, христианской религией, а в XX в. получившим отражение в «моральном кодексе строителя коммунизма») [15]. Иначе говоря, такие понятия, как плодотворный труд, порядочность, совесть, сострадание в качестве компонентов социальной ответственности должны обрести второе дыхание. В этой связи уместно привести часто используемую в литературе мысль Макса Вебера о том, что «призвание является таким строем мышления, при котором труд становится абсолютной самоцелью. Такое отношение к труду не является, однако, свойством человеческой природы. Не может оно возникнуть и как непосредственный результат высокой или низкой оплаты труда; подобная направленность *может сложиться лишь в результате длительного процесса воспитания*» (курсив наш — Е. К.) [23, с. 92]. По нашему мнению, процитированное соображение справедливо и в отношении к воспитанию такого свойства человеческой природы, как социальная ответственность.

В отношении медицины острее критики обращено в сторону платности этого вида услуг.

Не вдаваясь в дискуссию о преимуществах и недостатках платной медицины, отметим следующее. Задача социально ответственной политики на всех уровнях управления состоит, прежде всего, в повышении качества медицинского обслуживания населения. В наших конкретных условиях это в первую очередь относится к массовому, регулируемому на местах, бесплатному государственному сегменту здравоохранения. В литературе приводятся убедительные примеры высокого уровня медицинского обслуживания вне зависимости от платности. Наиболее яркий пример — США и Канада, где достижения медицины бесспорны, хотя в США доминирует платное здравоохранение, а в Канаде — бесплатное. Можно с определенной оговоркой согласиться с тем, что «теоретически важно определить масштаб системы здравоохранения как долю ВВП, величину расходов на то, чтобы эта система успешно функционировала и развивалась, решая стоящие перед ней задачи общественного развития, а также определить пропорцию, относительно ВВП и в объеме общих медицинских услуг, и между государственным и частным медицинскими секторами» [18 с. 11]. Оговорка состоит в следующем: политика региональной и муниципальной власти в развитии здравоохранения на практике должна быть увязана со степенью социальной ответственности бизнеса в части сохранения здоровья трудящихся и членов их семей, т. е. с масштабами участия частного сектора в медицинском обслуживании населения в данном регионе. При этом задача региональной политики с практической точки зрения состоит не столько в определении соответствующих пропорций (эти пропорции по регионам находятся в достаточно широком диапазоне), сколько, с одной стороны, в оснащении современным оборудованием муниципальных больниц и поликлиник, в подготовке и достойной оплате труда медицинского персонала, и с другой — в создании условий для участия частного сектора в развитии здравоохранения на конкретной территории в соответствии с региональной спецификой.

Сегодня как в мировой, так и в отечественной экономической науке чрезвычайно популярна теория человеческого капитала, согласно которой как единовременные, так и текущие издержки на образование и здравоохранение являются не так называемыми «социальными расходами», а инвестициями в человека. При этом вполне логично рассматривать (что и делают

некоторые экономисты) рождение человека как ввод в эксплуатацию основных фондов, а смерть — как выбытие последних из эксплуатации. По этой утилитарной логике считается нормальным оценивать моральный и физический износ человеческого капитала, рассчитывать прибыль, получаемую в результате улучшения здоровья и повышения квалификации трудящегося, окупаемость затрат в человека и т. п. [14]. По нашему мнению, положения теории человеческого капитала не следует абсолютизировать, поскольку вектор развития этой теории направлен все-таки не в сторону интегративного подхода к общественным наукам (о чем сказано выше), а к самоизоляции экономической теории; человеческая жизнь, изменения духовного и физического состояния личности в принципе как в теории, так и на практике ни в коем случае не должны ограничиваться сугубо экономическими категориями типа «затраты — выгоды».

Нерешенной проблемой остается участие экспертного сообщества в формировании социально-экономической политики. Здесь возникает три вопроса: первый — каков состав экспертного сообщества; второй — качество экспертизы, социальная ответственность экспертного сообщества; третий — отношение власти к последнему.

В научной литературе преобладают вполне разумные соображения о том, что экспертиза решений властных структур всех уровней — одна из важнейших практических задач экономической науки. При этом, по нашему мнению, необходимо исходить из того, что состав экспертного сообщества ни в коем случае не может быть ограничен представителями науки, к экспертизе должны привлекаться высококвалифицированные практические работники, профессионалы из общественных палат, созданных в Центре и на местах, профсоюзы, различного рода профессиональные общественные организации, представители религиозных конфессий и др. При этом экспертное сообщество должно в полной мере обладать чувством ответственности за свои заключения и рекомендации. В ряде случаев эксперт «ни поставить задачу, ни выбрать метод решения, ни решить ее, ни получить результаты, ни интерпретировать их надлежащим образом, ни, что важнее всего, дать практические рекомендации на языке государственного регламента управления, на языке, понятном чиновнику, просто не в состоянии» [6, с. 60].

Наше видение социальной ответственности экономической науки изложено в работе, опубликованной в 2008 г. [9, с. 60-71]. По нашему убеждению, в отличие от естественных наук, деление экономической науки на фундаментальную и прикладную крайне условно и контрпродуктивно: социально ответственные экономические исследования, в которых серьезно и основательно изучаются и обобщаются социально-экономические процессы и отношения, не могут по определению быть абстрактными, не сориентированными на конкретного потребителя; всей своей корневой системой независимо от того являются ли они «академическими», «вузовскими», «отраслевыми» или «корпоративными», должны быть связаны с жизнью. Ограничение экономических исследований расчетами и их комментариями, какими бы изощренными и логически безупречными они не были, не соответствуют современным требованиям к объективному социально-экономическому анализу; еще раз подчеркнем, что исследования должны строиться на междисциплинарной основе с учетом новейших достижений общественных наук, прежде всего в области права, социологии, психологии и политологии. Модные ныне теоретические конструкции, базирующиеся на популярных, но далеко не всегда согласующиеся с нашей реальностью положениях западных учебников без достаточной практической апробации вряд ли согласуются с принципом социальной ответственности.

О негативном отношении власти к рекомендациям экспертного сообщества, в частности к результатам экономических исследований, не писал только ленивый. В качестве основной (а в ряде случаев и единственной) причины подобного отношения обычно выдвигается тезис об увлечении Правительства либеральной (либо монетаристской) идеологией, исповедуемой приближенной к власти группой известных экономистов. Полагаем, что социально ответственная власть во взаимоотношениях с экспертным сообществом обязана: а) четко сформулировать задачи, ставящиеся перед экономической наукой с учетом максимального использования накопленного в стране высокопрофессионального потенциала, выдавать обеспеченный соответствующим финансированием официальный государственный заказ на разработку форм и методов их (задач) решения; б) подвергать систематически (а не только в период предвыборных

кампаний) широкому общественному обсуждению комплекс мер, намечаемых властью в целях улучшения социально-экономической ситуации в стране; в) отработать действенный механизм взаимодействия власти со всеми сегментами экспертного сообщества с учетом их (сегментов) специфики [21].

Государственным университетом — Высшей школой экономики было проведено специальное исследование с целью выявления «роли экспертной среды в качестве проводника между гражданским обществом и публичной властью» [12, с. 123]. Результаты данного исследования убедительно подтверждают актуальность создания указанного выше механизма: лишь треть потенциальных экспертов считает, что органы власти способны адекватно оценить меры, предлагаемые специалистами, и, соответственно, использовать их в практической работе. Но еще более настораживает тот факт, что более 80% (!) респондентов сомневаются в том, что в России в ближайшее время могут быть созданы условия, которые позволят экспертному сообществу работать более продуктивно. Эти условия включают: обеспечение финансовой независимости экспертной деятельности, повышение заинтересованности представительских структур гражданского общества в аналитическом обеспечении рассматриваемых решений, более ответственное, профессиональное и принципиальное отношение экспертов к своей деятельности.

В связи с критикой экономической политики в экономической литературе господствует стереотипный, на наш взгляд, постулат о том, что из двух потенциально возможных для России типов экономики — инновационный и сырьевой, — Правительство РФ отдает предпочтение сырьевому типу. Как правило, авторы обвиняют власть в том, что этот «самый неэффективный» тип экономики выбран в период реформ. На самом деле Россия великой сырьевой державой стала во второй половине минувшего века в результате освоения углеводородного сырья в Западной Сибири. И сегодня, когда порядка 60% доходов федерального бюджета поступает за счет экспорта углеводородов, задача заключается в первоочередном переводе на инновационную модель именно добывающего, сырьевого сектора экономики. Социально ответственная политика в предстоящее десятилетие может реально осуществляться, на наш взгляд, именно на этой основе, что не исключает очевидной не-

обходимости развития наукоемких производств типа nano-, биотехнологий и т. п. «Проблема интеграции и модернизации в России значительно сложнее и интереснее, чем это кажется многим политикам и экономистам. *Безусловно, Россия должна продолжать играть значительную роль на мировом рынке энергоносителей* (курсив наш — Е. К.). Но ее интересы значительно шире и многообразнее, чем получение доходов от нефти и газа. Проблемы выбора достойных вариантов интеграции России в мировое сообщество чрезвычайно актуальны именно в настоящее время, которое и впрямь важно использовать для высокотехнологической модернизации» [17, с. 6].

Обычно, когда речь идет о глобализационных процессах, о вариантах интеграции России в мировую экономическую систему, внимание исследователей концентрируется, в основном, на технологических аспектах. В связи с мировым финансовым кризисом в последние годы значительно возросло внимание ученых к глобальной и отечественной финансовой проблематике. Относительно социальной ответственности бизнеса российский читатель знаком, главным образом, с работами американских и западноевропейских ученых в части уровня оплаты труда, экологизации производства и т. п. В то же время изучению возможностей использования зарубежного опыта решения социальных проблем в странах Востока у нас не уделяется должного внимания. Это относится прежде всего к Японии и Китаю: думается, что китайский опыт стимулирования внутреннего спроса и адресности социальной поддержки, как и японская система пожизненного найма, заслуживает более глубокого и предметного изучения нашим научным сообществом. Это относится и к специфике проявления корпоративной социальной ответственности в исламских странах [1, с. 72-75]. В исламской традиции недопустимо разделение человеческой жизни на духовную и материальную составляющие; извлечение прибыли за счет мер, направленных против человека, решительно осуждается. Так, исламским компаниям запрещены: игорный бизнес, производство и продажа алкоголя, деятельность в сфере порноиндустрии и т. п. Наиболее распространенной организационно-правовой формой как в предпринимательской, так и в банковской сфере является партнерство. Стимулируется участие компаний в социальных программах на территориях их дислокации, причем поощряется отра-

жение информации об этом как на специальных сайтах, так и (что более важно) в официальной отчетности. Наконец, действует специальное Руководство, регламентирующее деятельность исламских финансовых институтов, в котором перечисляются обязательные и рекомендуемые для раскрытия показатели. Важно подчеркнуть, что «в исламских экономиках ценностные приоритеты основываются на этических нормах, которые встраиваются в хозяйственную жизнь посредством воспитания и обучения людей» (курсив наш — Е. К.) и создания и совершенствования соответствующих институтов, ограничивающих эгоистическую погоню за прибылью» [1, с. 75]. Иными словами, речь идет о воспитании и обучении людей в духе социально ответственного экономического поведения представителей предпринимательских, финансовых и властных структур, о мотивации их деятельности в увязке с особенностями локальных территориальных образований.

Для «поведенческой экономики» представляет несомненный интерес типология капиталистов-предпринимателей, предложенная Ю. Ольсевичем: 1) хищник — накапливает богатства за счет перераспределения (и присвоения) того, что создано не им; 2) новатор — создает новые эффективные комбинации факторов производства и обращения; 3) рутинер — следует сложившимся правилам производства и технологиям; 4) оппортунист — стремится извлечь выгоду любыми способами [13, с. 206]. Во власти (точнее — в бюрократическом аппарате) сегодня погоду делают у нас оппортунисты.

Отметим, однако, что приведенная типология, отражая мотивацию предпринимательского сообщества в методах личного обогащения, о социальной ответственности бизнеса позволяет судить лишь косвенно: очевидно, хищники и оппортунисты отличаются «социальной безответственностью» в большей степени, чем новаторы и рутинеры. В максимальной мере это относится, по-видимому, к оппортунистам, причем как в предпринимательской среде, так и в бюрократии. В то же время утверждать, что новаторы, предопределяющие в конечном счете реальные перспективы перевода экономики на инновационную модель развития, характеризуются в своем большинстве социально ответственным поведением, по нашему мнению, нет достаточных оснований, поскольку в предпринимательском сообществе доминирующей цен-

ностью являются доходы. Вероятно, для того чтобы социальная ответственность стала реальной и общепринятой ценностью, при самой целенаправленной и продуктивной работе по соответствующему «воспитанию и обучению людей», потребуется смена поколений. Уместно вспомнить, что «расстояние порядка 25 лет (интервал чередования циклов подъема и упадка экономики — Е. К.), фигурирующее в расчетах Николая Дмитриевича Кондратьева, он сам истолковывал как период, нужный для смены поколений: принятие и освоение нового открытия требует прихода совсем новых молодых специалистов, предшествующие поколение, как правило, не в состоянии оценить нового (можно напомнить хрестоматийно известное замечание М. Планка о том, что он никого не убеждал в необходимости понятия «квант» — просто все несогласные с этим успели умереть)» [8, с. 6]. Сказанное ни в коем случае не означает, что необходимо лишь заняться воспитанием нового социально ответственного поколения, хотя эта задача крайне актуальна и невероятно сложна. На самом деле речь идет о «трансформации» ценностных мотивов человеческого поведения. Для экономистов первостепенная ценность — удовлетворение материальных потребностей личности, для социологов главное — удовлетворенность жизнью в более широком понимании, т. е. с учетом как материальных, так и духовных потребностей, перспектив роста («социальный лифт») и др. В.Л. Макаров пропагандирует будущее общество как общество равноправных социальных кластеров, для которых основная ценность — равноправие. «Представляется, что переход к соцкластерному обществу возможен постепенно, шаг за шагом. Не нужен революционный скачок, не нужна всеобщая компания, под которой нет четких целей. Важно сохранять принцип системности. Шаги в сторону соцкластерного общества должны строго ложиться в предварительно разработанную стратегию» [11, с. 238]. Восприятие в общественном сознании социальной ответственности в качестве базовой ценности связано с соответствующей мотивацией человеческой деятельности. В биологии мотивации трактуются как «активные состояния мозговых структур, побуждающие высших животных и человека совершать наследственно закрепленные или приобретенные опытом действия, направленные на удовлетворение индивидуальных или групповых потребностей» [18,

с. 849]. Не являясь специалистом по психологическим аспектам экономического поведения, автор данной статьи не пытается определить, в какой мере социальная ответственность может быть унаследована или приобретена. Мы лишь исходим из того, что мотивация социальной ответственности в научно-образовательной и воспитательной сферах, а также в средствах массовой информации, на всех уровнях административного и корпоративного управления и в конечном счете — во всех элементах жизнедеятельности человека должна всемерно культивироваться.

Подведем итог. Социальная ответственность как базовое научно-практическое положение является междисциплинарным. Оно должно стать ключевым в разделе экономической теории, именуемом поведенческой экономикой и получившим во второй половине минувшего века достаточно широкое признание. В стратегическом аспекте социально ответственное поведение должнов конечном счете стать повседневной нормой на всех уровнях административного и корпоративного управления, во всех звеньях жизнедеятельности людей. Неотложной тактической задачей власти является разработка и реализация социально ответственной политики, включая: воспитание нравственно и физически здорового поколения; решение социальных проблем с учетом возможностей адаптации как опыта Запада, так и Востока; отказ от догматических стереотипных постулатов (соотношение заработной платы и производительности труда, противопоставление инновационного и сырьевого типов экономики и т. п.); совершенствование системы налогообложения; достижение передового мирового уровня здравоохранения и образования с привлечением частного капитала; формирование действенного механизма взаимодействия власти с экспертным сообществом; рациональное использование средств массовой коммуникации. Уровень социальной ответственности не может быть измерен единым универсальным (интегральным) показателем. Сформулированный в XIX в. тезис К. Маркса о том, что «в экономической науке столько науки, сколько в ней математики», в начале XXI в. следует перефразировать: «В экономической науке столько науки, сколько в ней человечности». Это в полной мере относится к региональным исследованиям.

Список источников

1. Батаева Б. С. Социальная ответственность бизнеса исламских стран // Экономика и управление. — 2009. — №12.
2. Берсенёв В. Л., Важенин С. Г., Павлов Б. С. Особые грани современной российской экономики и не только // Экономика региона. — 2011. — №1. — С. 264-267.
3. Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. Современная версия. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. — 672 с.
4. Гаврилова И. Н. Проблемы социальной политики и социальной справедливости // Промышленная политика в Российской Федерации. — 2010. — №10-12.
5. Городская власть и горожане. Прямая и обратная связь [дайджест-информация по итогам 5 массовых опросов населения г. Екатеринбурга. 1997–1998 г.] / Павлов Б. С., Силин Я. П., Татаркин А. И., Анисимов С. А., Павлов С. Б., Юрпалов С. Ю. и др. ; Екатеринбургская городская дума. — Екатеринбург: Ин-т экон. УрО РАН, 1998. — 122 с.
6. Государственная экономическая политика и экономическая доктрина России // Российский экономический журнал. — 2008. — №7-8.
7. Зарубина Н. Н. Деньги и культура богатства. Перспективы социальной ответственности бизнеса в условиях глобализации // СОЦИС. — 2008. — №10. — С. 13-23.
8. Иванов В. В. Волны Кондратьева и история человечества // Общественные науки и современность. — 2010. — №2. — С. 5-13.
9. Козаков Е. М. О социальной ответственности экономической науки // Журнал экономической теории. — 2008. — №1. — С. 60-71.
10. Кокшиаров А., Сумленный С. Новая европейская бедность // Эксперт. — 2010. — №49.
11. Макаров В. Л. Социальный кластеризм. Российский вызов. — М.: Бизнес Атлас, 2010. — 272 с.
12. Материалы IX Международной научной конференции «Модернизация экономики и глобализация» // Проблемы теории и практики управления. — 2008. — №5.
13. Ольсевич Ю. Я. Психологические основы экономического поведения. — М.: Инфра-М, 2009. — 413 с.
14. Павлов Б. С., Александрова Ж. П. Воспроизводство человеческого потенциала в регионе. Теоретико-методологические и методические подходы социологического анализа. Екатеринбург — Краснодар : Институт экономики УрО РАН, 2009. — 434 с.
15. Павлов Б. С., Бессонова Т. П. Семейная экономика и материнский труд как факторы репродуктивного поведения населения на Урале // Экономика региона. — 2009. — №2. — С. 33-44.
16. Павлов Б. С., Шеломенцев А. Г., Бондарева Л. Н. Инвестиционное поведение как предмет социально-экономического анализа. — Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2003. — 91 с.
17. Петраков Н. К. К вопросу о модернизации экономик // Экономист. — 2010. — №12. — С. 3-6.
18. Советский энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1980. — 1600 с.
19. Сухарев О. С. Социальные результаты и факторы экономического роста. Теоретический и практический аспекты // Экономический анализ. Теория и практика. — 2011. — №6. — С. 2-13.
20. Татаркин А. И., Павлов Б. С. Проблемы развития социального партнерства на муниципальном рынке труда. На примере Урала. — М.: ЗАО «Издательство “Экономика”», 2009. — 436 с.
21. Татаркин А. И., Павлов Б. С. Социально-экономические оценки и жизненные планы населения в условиях промышленного освоения северных территорий России. — М.: Экономика, 2007. — 272 с.
22. Татаркин А. И., Павлов Б. С., Берсенёв В. Л. Академическая наука и население региона. Опыт конкретного социологического исследования // Вестник Челябинского государственного университета. — 2011. — №36 (251). — Вып. 35. — С. 5-12. (Экономика).
23. Тикин В. С. О различиях соревнования и конкуренции // Журнал экономической теории. — 2010. — № 3. — С. 92-102.
24. Туманянц К. А. Социальная политика в Российской Федерации. Необходима смена приоритетов // Финансы и кредит. — 2011. — №15. — С. 38-45.

Информация об авторе

Козаков Ефим Михайлович (Екатеринбург) — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела развития региональных социально-экономических систем, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29).